DOI: 10.17976/jpps/2015.02.09

ИНТЕГРАЦИЯ МУСУЛЬМАН В ЕВРОПЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.М. Хенкин, И.В. Кудряшова

ХЕНКИН Сергей Маркович, доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, ведущий научный сотрудник отдела Западной Европы и Америки ИНИОН РАН. Для связи с автором: sergkhenkin@mail.ru**; КУДРЯШОВА Ирина Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, старший научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН.** Для связи с автором: kudryashova23@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 05.12.2014. Принята к печати: 13.01.2015

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-03-00284а "Мусульмане в современной Европе: проблемы и перспективы политической интеграции")

Аннотация. Статья посвящена проблеме, вызывающей острую полемику как в экспертно-политологическом сообществе, так и на массовом уровне, и вместе с тем малоизученной в российской историографии. Анализируя проблемы политической интеграции мусульман в европейские общества, авторы придерживаются логики модели Роккана-Хиршмана, объясняющей воздействие центр-периферийной полярности на строительство границ и характер членства в *nation-state*. В статье показано, что иммигранты-мусульмане образуют сегодня внутреннюю периферию европейских политий, которая порождает новую социокультурную и социоэкономическую "дистанцию". Подчеркнуто, что при всех различиях между иммиграционными стратегиями европейских властей они исходили из исторически сложившейся либерально-демократической парадигмы, основанной на уважении прав человека. Эта политика неуправляемого мультикультурализма позволяла переселенцам оставаться закрытым сообществом (периферией) в рамках страны проживания. Рост исламского экстремизма побудил европейские правительства интенсифицировать работу по политической интеграции мусульман и в ряде аспектов пойти на ужесточение иммиграционной политики. По мнению авторов, участие мусульман в политической жизни европейских стран становится все более весомым. Они участвуют в национальных и местных выборах, входят в общенациональные институты представительства, проводят манифестации в защиту своих интересов. Большое внимание в статье отводится анализу межкультурных коммуникаций. Отмечено, что в Европе сформировался обширный слой умеренных мусульман, в разной степени интегрированных в западные общества. Массовым явлением стала гибридная идентичность, когда многие считают себя одновременно представителями той или иной европейской страны и мусульманами. Вместе с тем в неоднородной мусульманской среде большим влиянием пользуются исламисты, зачастую занимающие умеренные позиции, но не всегда приемлющие западные ценности и выступающие за жизнь по законам шариата. В годы глобального кризиса антииммигрантские настроения усилились, окрепли позиции праворадикальных националистических сил. Авторы делают вывод, что при всех имеющихся сложностях демократические идеалы и практики пользуются поддержкой значительной части мусульман, что позволяет считать их политическую интеграцию в европейские общества вполне возможной.

Ключевые слова: мусульмане, Европа, ислам, политическая интеграция, иммиграционные стратегии, нациестроительство, центры и внутренняя периферия, мультикультурализм, гибридная идентичность, толерантность, ксенофобия, праворадикальные силы.

В отечественной литературе, посвященной мусульманскому сегменту европейской иммиграции, основное внимание уделяется социальным и экономическим аспектам интеграции. Политическая же сторона проблемы чаще всего остается "за кадром". Между тем в условиях опережающего роста численности мусульман их диаспоры в Европе превращаются во влиятельную силу, оказывающую все более заметное воздействие на институты государства и гражданского общества принимающих стран.

На взгляд авторов, понятие "политическая интеграция" означает не только обладание мусульманами теми же политическими правами, которыми обладают коренные жители Европы, но и их полноценное участие в деятельности политических институтов своих стран, превращение в неотъемлемую часть принимающих обществ. Это динамичный процесс двустороннего взаимодействия, в ходе которого меняются и сами переселенцы, и их "новые родины".

На практике этот процесс сталкивается с большими сложностями. В логике модели Роккана-Хиршмана [Rokkan 1999; Hirshman 1970], объясняющей воздействие центр-периферийной полярности на строительство границ и характер членства в *nation-state*, иммигранты-мусульмане образуют сегодня внутреннюю периферию европейских политий, которая порождает новую социокультурную и социоэкономическую "дистанцию". В европейской истории такие дистанции не раз становились источником политико-территориальных напряжений, препятствуя консолидации социокультурных границ, имеющих первостепенное значение для формирования нации и легитимации власти.

Интеграция этой внутренней периферии исключительно сложна в силу ее транснациональности. Верующий мусульманин полагает себя частью *уммы* и сохраняет верность ее культурному центру / центрам. В силу особенностей ислама как религиозной системы голоса этих центров могут приобретать и политическое звучание. Многое в умонастроениях, ориентирах и позициях европейских мусульман продолжает зависеть от "внешних" правоведов, распространяющих религиозно-юридические суждения относительно различных вопросов современной жизни, включая события мировой политики. Голос *уммы* транслируют и имамы, которых общины зачастую выписывают с исторической родины, из Мира ислама (*Дар аль-ислам*).

Для секуляризованного и одновременно сохраняющего христианскую природу *nation-state* поиск оснований введения иммигрантов-мусульман (включая и тех, кто уже имеет гражданство) в социокультурное членство представляет собой серьезную проблему. Конкуренция центров ведет к структурированию новых конфликтных линий в европейских демократиях.

Процессы создания коллективной политической идентичности сложны и трудны для формулирования. Они возникают из чувства совместной идентификации, солидарности и доверия, которые развиваются между членами группы. Вместе с тем часть "старых" европейцев изначально относилась к мусульманам-иммигрантам с недоверием, а порой и враждебностью. В годы глобального кризиса ситуация усугубилась ростом критического отношения европейских политических элит и рядовых граждан к пропагандировавшейся несколько десятилетий идее мультикультурного общества, согласно которой этнокультурные и религиозные различия благоприятствуют защите и гармонизации разнообразия и в итоге социальному прогрессу континента. Среди коренного населения усиливаются изоляционистские настроения, зачастую перерастающие в ксенофобию и национализм.

Закономерен вопрос: преодолимы ли очевидные трудности в консолидации социокультурных границ стран Европы, осуществима ли в принципе политическая интеграция мусульман?

МУСУЛЬМАНСКИЙ ФАКТОР В ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

В последние десятилетия в странах Западной Европы были испробованы несколько стратегий интеграции инокультурных сообществ. Своего рода "классикой" считаются три, применявшиеся в Германии, Франции и Великобритании. Власти Германии длительное время придерживались этнокультурной концепции нации, в соответствии с которой последняя определялась родством по крови. Этот подход противодействовал включению переселенцев в немецкую нацию. В 2000 г. Германия официально пересмотрела этнокультурную стратегию. На смену ей пришел принцип "конституционного патриотизма", в соответствии с которым нация определяется не по наследственным биологическим критериям, а на основе лояльности к базовым ценностям государства (немецкий язык, обеспечивающий коммуникацию между всеми жителями, Конституция и верховенство закона, уважение достоинства личности и признание ее приоритета перед коллективом). Часто для характеристики этой позиции эксперты и политики используют термин *Leitkultur* ("ведущая культура"), предложенный немецким ученым сирийского происхождения Б. Тиби[1].

В отличие от сравнительно недавно пересмотренного этнокультурного подхода в Германии главную роль в получении гражданства во Франции исторически играет не право крови, а рождение и проживание на территории государства. Французская стратегия нацелена на ассимиляцию иммигрантов[2]. В Конституции говорится о "французском народе, состоящем из всех граждан, без различия происхождения, расы или религии". Все, что разделяет людей, в частности, вера и мировоззрение, относится к сфере приватной жизни.

Подход к интеграции переселенцев в Великобритании изначально был проникнут духом толерантности, укреплявшимся благодаря сосуществованию в пределах Британской колониальной империи разных народов и культур. В Великобритании гражданство получают как по праву крови, так и по праву почвы. Британским гражданином становится тот, кто рожден от британского гражданина, или от небританца, являющегося постоянным жителем страны. Отличительная особенность британской стратегии состоит в том, что интеграция здесь происходит не только индивидуально, но и через этнические общины с целью поддержания их культурной идентичности.

При всех различиях между этими стратегиями в их основе (равно как и в основе всех остальных, применявшихся в Европе) лежала исторически сложившаяся либерально-демократическая парадигма, исходящая из уважения прав человека и невмешательства в жизнь инокультурных общин. Иными словами, европейские государства проводили в жизнь политику "многокультурности", признававшую культурное разнообразие общества и создававшую условия для публичного исповедания ислама. Эта политика позволяла переселенцам оставаться закрытым сообществом (периферией) в рамках страны

[1] О концепции *Leitkultur* см., например [Пинюгина 2014].

[2] Об особенностях французской модели интеграции мусульман см.[Веретевская 2012].

проживания[3]. В результате европейские социумы, потеряв относительную однородность допереселенческих времен, превратились во фрагментированные (или многосоставные в терминологии А. Лейпхарта). Одновременное размывание ценностных и духовных ориентиров самих принимающих обществ оказалось другим важнейшим препятствием на пути к налаживанию взаимодействия с инокультурными группами [Семененко 2006: 62].

Рост исламского экстремизма в конце XX – начале XXI вв. побудил европейские правительства отказаться от этой своеобразной "политики невмешательства", неуправляемого мультикультурализма и перейти к мультикультурализму управляемому, предполагавшему более продуманное и "прицельное" выстраивание отношений с мусульманскими общинами. Интенсифицировалась работа по политической интеграции мусульман. Европейский союз разрабатывает общие принципы иммиграционной политики, принимает отдельные законодательные акты, организует мероприятия, направленные на развертывание межкультурного диалога. Однако разрабатываемые принципы[4] имеют скорее характер рекомендаций, а не обязывающих норм, что обусловлено как различным интеграционным бэкграундом стран-членов, так и их сопротивлением вмешательству Брюсселя в эту сложную сферу внутренней политики. В целом ЕС стремится проводить гармонизацию национальных подходов "мягким способом" – через определение рекомендуемых стандартов и поддержку конкретных проектов.

Учитывая не слишком удачный опыт прошлых лет, европейские страны ведут поиск более сбалансированных вариантов интеграционной политики, одновременно отвечающих интересам принимающих обществ и учитывающих потребности самих мусульман. Значительное место отводится решению социально-экономических проблем. Предполагается, что реализация прав мусульман в сферах занятости, образования, здравоохранения, обеспечения жильем приведет к их большей открытости, сближению с коренным населением и благоприятно скажется на политической интеграции. Вместе с тем, констатируя факт кризиса мультикультурализма[5], европейские лидеры в ряде аспектов ужесточают иммиграционную политику. В опросных листах, которые заполняют стремящиеся обосноваться в странах ЕС мусульмане, предлагаются вопросы, выясняющие их отношение к равенству полов, гомосексуализму, готовности принять толерантность как норму поведения. После переселения вводится по существу принудительное обучение языку страны проживания, ознакомление с ее историей, политической организацией, культурой, обычаями. Эти меры преследуют цель преодолеть пассивное отношение, а то и сопротивление части иммигрантов интеграции.

[3] Противоречивые результаты политики мультикультурализма в Великобритании убедительно показаны Ш. МакЛуглином на примере мусульманской общины г. Брэдфорда [МакЛуглин 2009: 9-13].

[4] *Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy*. 2004. URL: http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/common-basic-principles_en.pdf (accessed 12.11.2014).

[5] Kanzlerin Merkel erklärt Multikulti für Gescheitert. – *Die Welt*. 10.10.2010. URL: http://www.welt.de/politik/deutschland/article10337575/Kanzlerin-Merkel-erklaert-Multikulti-fuer-gescheitert.html (accessed 13.01.2015); State Multiculturalism has Failed, Says David Cameron. – *BBC News*. 5.02.2011. URL: http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-12371994 (accessed 13.01.2015); Nicolas Sarkozy Declares Multiculturalism had Failed. – *The Telegraph*. 11.02.2011. URL: http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/8317497/Nicolas-Sarkozy-declares-multiculturalism-had-failed.html (accessed 13.01.2015).

Ужесточается отношение к религиозным символам мусульман. Во Франции в 2004 г. учащимся государственных школ было запрещено носить хиджаб. Ее примеру последовали некоторые земли Германии. В Швейцарии в 2009 г. власти поставили на референдум вопрос о строительстве новых минаретов, в ходе которого 57,5% граждан проголосовали против их строительства. Противники минаретов видят в них не религиозный, а политический символ и призывают не допускать исламизации страны [Green 2011].

В мусульманском сообществе политика европейских властей вызывает зачастую отнюдь не однозначные реакции. Показателен в этом отношении введенный в 2010-2013 гг. в Бельгии, Франции, швейцарском кантоне Тичино и некоторых городах Италии и Испании[6] запрет на ношение в общественных местах паранджи и никаба[7] – одежды, которая препятствует идентификации личности. Этот запрет, продиктованный требованиями безопасности, был с пониманием встречен многими мусульманами, осуждающими исламистский терроризм. Вместе с тем его не приветствовали не только сторонники традиционализма, но и либерально настроенные мусульманские общественные деятели, усматривающие в подобных решениях посягательство на право выбора и идентичность[8].

РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В первые десятилетия переселенческих процессов проблемы религии не вызывали конфликтов между переселенцами и властями. На первом месте у мусульман стояли материальные проблемы, связанные с обустройством в новых условиях. Религиозные нужды обнаружились позже, когда развернулся процесс воссоединения семей переселенцев. Мусульмане начали требовать предоставления временных мест для отправления молитв, строительства мечетей, где они могли бы получить религиозное образование. Стали возникать конфликты с местными властями, связанные с использованием частных домов для проведения молитв без соответствующего разрешения. Требования касались также совершения ритуальных молитв в рабочее время, пересмотра графика рабочего дня в течение Рамадана, предоставления отпусков на время религиозных праздников, желания иметь отдельные кладбища.

Особое место в ряду требований занимала сфера образования. Родители настаивали, чтобы их дети получили образование, пронизанное уважением к религии. Поскольку государственные школы для этого не подходили, мусульмане стали требовать учреждения мусульманских школ. Проблемы также возникли в отношении девочек, так как не все родители соглашались отдавать дочерей в смешанные школы или разрешать им заниматься гимнастикой и ходить в бассейн [Цхурбаев 2003].

Развитие в европейских обществах религиозного плюрализма, дающее последователям ислама возможность для утверждения своей самобытности, вызывает у части мусульман чувство замешательства и разочарования.

[6] The Islamic Veil Across Europe. – *BBC News Europe*. 1.07.2014. URL: http://www.bbc.com/news/world-europe-13038095 (accessed 13.01.2015).

[7] Паранджа – накидка, закрывающая мусульманку с головы до пят, никаб – головной убор, оставляющий только прорезь для глаз.

[8] Holm N.G. 2014. *Banning Burqas and Niqabs in Europe: The Politics of Full-Face Veiling*. 21.08. URL: http://www.huffingtonpost.com/nancy-graham-holm/banning-burqas-and-niqabs_b_5653889.html (accessed 13.01.2015).

Секуляризованное общество кажется странным и непонятным приверженцам религии, которая включает не только заповеди, но и нормы поведения, регулирующие образ жизни мусульман в различных его проявлениях. Известный иранский философ С.Х. Наср (работающий после революции 1978-1979 гг. в США) пишет, что мировоззрение мусульманина базируется на сознании Бога как высшей реальности и на представлении, что в полной мере человек может быть предан только шариату как божественному закону, единственно позволяющему обрести счастье. В таком контексте базисные принципы западной цивилизации представляют собой антитезу исламским, "поскольку философские школы этой цивилизации основаны на рассмотрении человека как существа, восставшего против Бога, или на рассмотрении человеческой коллективности как муравейника..." [Наср 2001: 482].

Значительный конфликтный потенциал несет в себе гендерная проблема. Мусульманам, основа бытия которых – патримониальная семья, где доминирует воля отца, непонятен мир, в котором существует равенство полов, женщинам гарантировано место в публичной сфере и открыта возможность занимать руководящие посты. Мусульмане резко критикуют характерные для западных обществ гонку за материальными благами, "духовное падение" общества потребления, расшатывание структуры семьи, отсутствие уважения к старшим.

Критическое отношение к западным реалиям особенно распространено среди мужчин. Женщины же в большей степени удовлетворены новым местом жительства. Возможно, это объясняется тем, что у женщин меньше проблем с поисками работы. К тому же в силу большей толерантности, присущей женщинам вообще, они не воспринимают так болезненно, как мужчины, отношение к ним коренных жителей.

Именно для женщин характерна прежде всего ломка привычных стереотипов мышления и поведения. В соответствии с исламской традицией женщина во всем подчинена мужчине: незамужняя – отцу и братьям, замужняя – мужу. Ее важнейшими жизненными заповедями становятся покорность и послушание, вступление в брак (незамужние женщины осуждаются) и воспроизведение потомства. Удел мусульманки – ежедневные молитвы, забота о семье, воспитание детей, передача языка и культурных традиций. В ходе социальной модернизации мусульманских стран в последние десятилетия XX – в начале XXI вв. роль женщины как хранителя исламских традиций и идентичности стала подвергаться сомнению. Однако на практике их участие в публичной деятельности оставалось незначительным.

У мусульманок, перебравшихся на Запад, возможностей для достижения экономической независимости и свободы самовыражения становится значительно больше. Уже сам факт эмиграции в чуждую социокультурную среду рассматривается ортодоксальными мусульманскими деятелями как нарушение традиционных культурных норм (впрочем, то же распространяется и на мужчин). Для мусульманок нарушением становится и необходимость работать вне дома, выходить на улицу без сопровождения. В данном случае традиционные нормы поведения переселенок вступают в противоречие с европейским культурным контекстом, в котором роли мужчин и женщин различаются в значительно меньшей степени, чем в мусульманских странах. Оправдывает работу вне дома в глазах окружающих соотечественников (и самой женщины) необходимость поддержать семью (отсутствие работы у мужа,

долги и т.д.). Нарушает традиции и часть мусульманок, перестающих носить хиджаб и пользующихся косметикой и т.д.

Особенно восприимчивы к западным ценностям молодые, образованные и незамужние мусульманки. "Работа для них означает экономическую независимость, дает гарантию свободного развития личности, независимость от опеки мужчины" [Ramirez Goicoechea 1996: 49]. Их кредо – женское равноправие. Влияние новой социокультурной среды не обошло стороной и перебравшихся в Европу мусульман. Так, для мужчины, привыкшего быть защитником и хранителем семейного очага, согласиться с тем, что его жена работает вне дома – серьезная психологическая ломка, переосмысление традиционных представлений о распределении ролей в семье. Не следует забывать, что в ортодоксальной мусульманской семье мужчина, неспособный обеспечить семью, рассматривается как неудачник.

Анализируя мировоззрение современных мусульман, следует иметь в виду, что ислам, как и любая другая великая традиция, представляет собой сложную систему идей, верований и доктрин. Он полон амбивалентных смыслов, которые могут приобретать различное социальное звучание в зависимости от трактовки и исторического контекста. Изменения мусульманского социума, вызываемые общемировыми (и, конечно, европейскими) политическими, экономическими, культурно-информационными сдвигами, делают неактуальным вопрос о необходимости реформы самого ислама ради демократизации. Политическое и социально-экономическое развитие не только сужает базу воспроизводства традиционалистского сознания, но и меняет структуру идентичности верующего человека, делая ее более сложной и гибкой. При этом оно не обязательно подрывает позиции религии – скорее видоизменяет публичное проявление религиозности.

Если говорить о политическом исламе, или исламизме, то при своем возникновении он имел радикальное содержание, обусловленное прямой зависимостью традиционных мусульманских элит от Запада, а впоследствии – обращением новых республиканских элит к заимствованным светским идеологиям и авторитарным политическим формам. По мере повышения открытости политических систем его мейнстрим стал принимать умеренный характер, о чем сегодня свидетельствует легальный политический статус десятков подобных партий на исторических родинах европейских мусульман.

Схоже обстоит дело в Европе. Здесь сформировался обширный слой политически умеренных мусульман, в разной степени интегрированных в западные общества. Они соблюдают законы страны, в которой живут, осуждают терроризм. Эксперты констатируют все большее сближение образов жизни выходцев из мусульманских стран и среднестатистических европейцев. Для многих мусульман, особенно второго и третьего поколения, основным языком общения становится язык страны проживания, их предпочтения в еде, одежде, музыке похожи на предпочтения европейцев. Принципиальное значение имеет изменение характера религиозности мусульман. Значительная часть их перестает посещать мечети и соблюдать религиозные обряды. Появились светские мусульмане, считающие возможным отказаться от своей веры. Возник так наз. *евроислам*, представители которого восприняли либерально-демократические ценности и ставят вопрос об адаптации отдельных норм шариата к европейским реалиям.

По существу происходит трансформация идентичности мусульман. Многие считают себя одновременно представителями той или иной европейской страны и мусульманами, не противопоставляя религиозную идентичность

национально-государственной. Иными словами, в логике идентичностного подхода столкновение мировоззрений, которого трудно избежать мусульманам в постиндустриальных обществах Европы, ведет к появлению гибридной идентичности. В матрице такой идентичности (например, гражданина Великобритании, пакистанца по происхождению, мусульманина по вероисповеданию) новые социальные формы (комбинации ценностей, установок, предпочтений, факторов) не замещают старые, но соединяются с ними и переосмысливаются. Возникающие этикетки идентичности не являются "чистыми" или отчетливыми и продолжают переопределяться в зависимости от результатов новых практик [Кудряшова 2012а: 93-95].

Носители такой идентичности могут одновременно выступать и членами, и не-членами политического сообщества. Так, по данным социологических опросов, 75% мусульман Великобритании заявляют о лояльности государству, 66% поддерживают власти в борьбе против "Аль-Каиды", но 32% считают законы Великобритании противоречащими шариату (25% не могут ответить на этот вопрос), 28% находят "антимусульманской" английскую полицию, 24% – правительство**,** 75% полагают неправильным политическое вмешательство США и Великобритании в Пакистане и Афганистане[9]. Соединение в гибридной политической идентичности различных пластов (гражданского национализма и этноконфессиональных лояльностей, современности и традиционализма) чревато конфликтом идентичностей и радикализацией позиций индивидов и социальных групп.

Общественное мнение фиксирует двойственность положения мусульманских иммигрантов: трудность в том, чтобы быть набожным мусульманином и жить в современном обществе, в Германии видят 70% граждан, в Испании – 58%, в Великобритании – 54%, и только в секулярной Франции это число снижается до 26%[10]. Многие европейцы опасаются, что ислам будет мешать их мусульманским соседям принять такие фундаментальные ценности, как демократия, толерантность и равноправие женщин.

Вместе с тем столкновение мировоззрений может иметь принципиально иной исход: формирование неотрадиционалистской ("фундаменталистской") идентичности, питательной средой которой являются резкие социокультурные изменения (кризис традиционных норм и ценностей, воздействие новых культурных образцов, усиление значения рациональных компонентов), а также общая неблагоприятная ситуация в исламском мире. В неоднородной мусульманской диаспоре большим влиянием пользуются исламисты. В своем большинстве они занимают умеренные позиции, отвергая экстремизм. При этом часть их не приемлет западные ценности. Они "включены" в западные общества, поскольку обладают определенным социальным статусом и знают язык страны проживания, однако отвергают интеграцию, выступают за изоляцию от "безбожного общества" и жизнь по законам шариата [Политическая идентичность... 2012: 192-193].

УЧАСТИЕ МУСУЛЬМАН-ИММИГРАНТОВ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

С 1980-х годов количество мусульман в странах "старой Европы" утроилось и достигло 17,1 млн человек. В абсолютном выражении оно наиболее велико

[9] *Muslims Poll for BBC*. 2009. URL: http://www.icmresearch.com/data/media/pdf/ 2009_jun_bbc_muslims_poll.pdf (accessed 13.01.2015).

[10] *The Great Divide: How Westerners and Muslims View Each Other.* 2006. URL: http://www.pewglobal.org/2006/06/22/the-great-divide-how-westerners-and-muslims-view-each-other/ (accessed 13.01.2015).

в Германии (4,1 млн), Франции (3,6 млн), Великобритании (2,9 млн), Италии (1,6 млн), Испании (1,0 млн) и Нидерландах (914 тыс.), в процентном – в Бельгии, Австрии, Швейцарии, Франции, Нидерландах и Германии – от 5 до 6% населения[11].

Вместе с тем следует иметь в виду, что существуют определенные расхождения между приведенными оценками количества мусульман и реальной численностью людей, исповедующих ислам. Дело в том, что переписи населения в большинстве стран континента не включают религиозную принадлежность человека. Поэтому к мусульманам относят всех иммигрантов (и их потомков), проживающих в соответствующих географических ареалах, без учета их действительного отношения к религиозной вере. Между тем среди тех, кого включают в "мусульманское сообщество", много либо неверующих, либо тех, кто считает себя верующими, но никогда не посещает мечеть.

Существенно и то, что мусульманское население Европы разнообразно и раздроблено. За понятием "мусульмане" скрывается отнюдь не консолидированная диаспора. Напротив, речь идет о массе общин, различающихся по целому ряду параметров – географических, языковых, профессиональных, идеологических и имеющих разные взгляды на интеграцию. Во многих странах мусульманские организации конкурируют друг с другом. Одна из причин сложившейся ситуации – разделенность ислама на различные ветви – суннизм, шиизм, алавизм и др. Даже в рамках одного религиозного течения может существовать неявное разделение мусульман по этническому или племенному признаку. Тесная связь современного ислама с этничностью затмевает универсализм этой религии. К тому же выходцы из мусульманских стран нередко переносят конфликты, существующие между ними на родине, в европейские страны. Этническая и культурно-идеологическая разнородность мусульманской иммиграции обусловливает то, что ни одна из организаций не имеет возможности говорить от лица всей диаспоры, а значит и служить посредником между ней и государством.

В середине прошлого десятилетия в Европе насчитывалось более 7 тыс. мусульманских организаций – профессиональных, молодежных, культурных и др. Они разделяются на общеевропейские, национальные и региональные и занимаются разнообразной деятельностью – культурно-просветительской, образовательной, научной, благотворительной. Зачастую организации пользуются официальной поддержкой мусульманских государств. Многие из них, оказывая разнообразную помощь переселенцам, стремятся сохранять баланс между исламской идентичностью и интеграцией в европейские общества[12].

Следует упомянуть также экстремистские мусульманские организации. Вопреки стереотипным представлениям, они не играют значительной роли в политическом процессе. Организации же, занимающие умеренные позиции, не претендуют на создание "европейского халифата". Но при этом они не поддерживают радикальный либерализм европейской политики последних лет, например, однополые браки или гендерный вопрос [Бородай 2014].

[11] Number of Muslims in Western Europe. – *Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life. Forthcoming Pew Forum Report.* 2010. URL: http://www.pewforum.org/2010/09/15/number-of-muslims-in-western-europe-html/ (accessed 13.01.2015).

[12] *Исламские организации Европы*. 2014. Доступ: http://yardem.islamtat.ru/publ/stati/poznavatelno/16-1-0-14 (проверено 14.11.2014).

Данные опросов свидетельствуют, что значительная часть иммигрантов не является членами иммигрантских организаций и не прибегает к их услугам и помощи. Кое-кто даже не знает, что организации иммигрантов располагают программами помощи и могут оказать им содействие. Так, 73% опрошенных в Испании марокканцев не являются членами иммигрантских организаций и не поддерживают с ними связей, 14% – хотя и не состоят в этих организациях, так или иначе связаны с ними, и лишь 5% активно вовлечены в их деятельность [Perez Diaz, Alvarez-Miranda, Chalia 2004: 243].

Зачастую организации и движения мусульман возникают вокруг мечетей или молельных домов, предоставляющих своим членам разнообразные услуги, например, лекции по Корану, языковые курсы, помещения для религиозных праздников. Во многих мечетях работают продовольственные и книжные магазины. Следует иметь в виду, что мусульманам, перебравшимся в Европу позже представителей других религий / конфессий, не хватает мест богослужения. Другая проблема заключается в недостаточности средств общины для строительства мечетей. Это обстоятельство побуждает переселенцев обращаться за финансовой поддержкой либо к правительствам стран происхождения, либо к богатым мусульманским странам (например, к Саудовской Аравии). Получив помощь, мечети и курирующие их организации оказываются в зависимости от этих государств.

Иммигранты-мусульмане прибывали и прибывают в Европу из стран, где роль религии в общественно-политической сфере высока. Даже в Турции, конституция которой провозглашает принцип лаицизма, современный "неоосманский" дискурс отражает растущую публичную роль исламских ценностей[13]. Влиянию ислама на политическое поведение способствуют следующие его черты:

– универсализм, который наглядно воплощается в шариате, определяющем как конкретные правила поведения индивида (принципы наследования, раздела имущества, бракосочетания и др.), так и его общие цели и ценности;

– образ пророка как оплота веры и гаранта благополучия мусульманской общины (уммы): пророк Мухаммад был основателем религиозного учения и ритуала и одновременно – военно-политическим лидером первого мусульманского государства;

– отсутствие церкви как религиозной структуры, через которую можно обрести спасение, что предопределяет принципиальную важность правильной ориентации мирской деятельности;

– автономный доступ к Богу всех членов общины и возможность собственной интерпретации священного текста, включая его политизацию;

– наличие идеала уммы как религиозно-политической общности верующих, отделившейся от всех изначальных форм социальности (расовой, племенной, этнической и пр.), и сакрализация ее основ [Кудряшова 2012б: 158].

Участие мусульман в политической жизни европейских стран становится все более зримым и весомым. В разных странах немало их участвуют в выборах – местных и национальных, в зависимости от того, что предписывает законодательство. Между партиями разной направленности идет борьба за мусульманский электорат, который ориентируется прежде всего на социалистов и социал-демократов, в большей степени расположенных к иммигрантам,

[13] О соотношении имперского, исламского и национального элементов в "неоосманском" дискурсе см. [Кудряшова, Матюхин 2013: 122-127].

чем консерваторы. Позиция мусульман приобретает порой большое, если не решающее значение для исхода выборов. Так, в 2002 г. эксперты предсказывали поражение коалиции Социал-демократической партии Германии и зеленых на предстоявших парламентских выборах. Но Г. Шрёдер, вторично баллотировавшийся на пост федерального канцлера, сумел переломить ситуацию. Он обещал немецким мусульманам, что его партия сделает все возможное для принятия Турции в ЕС, и одновременно выступил против военного решения иракского вопроса. В результате 600 тыс. мусульманских избирателей обеспечили победу "красно-зеленой" коалиции[14]. Социалист Ф. Олланд в 2012 г. стал президентом Франции в определенной мере благодаря избирателям-мусульманам. По данным опроса, проведенного газетой "Фигаро", 93% голосов французских мусульман было отдано Олланду, и только 7% – Н. Саркози. Олланд набрал примерно 1,7 млн голосов мусульман. Это много, если учесть, что он выиграл выборы с перевесом в 1,1 млн голосов[15]. В странах с большой численностью мусульманского населения внутри- и внешнеполитические решения принимаются с учетом его мнения. В практике европейских лидеров обычным делом становятся прямые обращения к мусульманам. В партийной структуре ряда европейских партий созданы "мусульманские секции".

Особенно активно участвуют мусульмане в местной политике. Так, в выборах местных советов в Англии в мае 2014 г. участвовали 897 кандидатов-мусульман – партийных и независимых (354 кандидата от Лейбористской партии и 256 от Консервативной партии). 277 мусульман стали членами местных советов[16].

В ряде стран Европы мусульмане входят в общенациональные институты политического представительства. Они получают министерские портфели, избираются депутатами парламентов, активно участвуют в работе органов власти на местах. В парламент Бельгии входят шестеро мусульман, при этом они составляют четверть городского совета Брюсселя. В Швеции трое из 369 членов парламента мусульмане, в Германии мусульман двое из 603 депутатов бундестага. Обращает на себя внимание недопредставленность мусульман в высших органах власти европейских стран.

Показателен пример Великобритании, интеграционная политика которой, пожалуй, в большей степени, чем где-либо, ориентирована на повышение статуса ислама и представительства мусульман в структурах государственного управления. С 2008 г. здесь осуществляется политика "позитивной дискриминации", направленная на включение как можно большего числа мусульман в процесс коллективного принятия решений на всех уровнях. Парламентарии ввели для меньшинств квоты на государственной службе, особенно в армии и полиции, ключевых министерствах (иностранных дел, внутренних дел) [Энтони 2008].

В 2010 г. впервые в истории страны двое из мусульман-парламентариев стали министрами от Консервативной партии. В 2014 г. в Палате лордов насчитывалось 15 мусульман, а еще пять британских мусульман стали депутатами

[14] *Эмигрантские записки – Еврабия: Прошлое, настоящее, будущее. Часть третья*. Доступ: http://pavel-slob.livejournal.com/442259.html (проверено 16.09.2014).

[15] Сюрприз: европейские левые выигрывают с помощью голосов мусульман. – *ИноСМИ.Ru*. 04.06.2012. Доступ: http://inosmi.ru/europe/20120604/193098292.html (проверено 16.09.2014).

[16] Buaras E. Exclusive: 900 Muslim Candidates Stand in Local Elections. – *The Muslim News*. 30.05.2014. URL: http://www.muslimnews.co.uk/newspaper/home-news/exclusive-900-muslim-candidates-stand-local-elections/ (accessed 18.07.2014).

Европарламента[17]. В целом изменения налицо: если в 1997 г. в Палате общин был только один депутат-мусульманин, то в 2010 г. их было уже восемь. И все же мусульмане, как и прежде, недопредставлены, поскольку пропорционально своей доле в населении должны иметь минимум 24 места[18]. Примечательно также, что проблема социокультурных границ обнаруживает себя и в этом очень небольшом сегменте британских парламентариев[19].

Наиболее успешно рекрутирование мусульман осуществляется в полиции. Создана профессиональная ассоциация мусульман-полицейских, пропагандирующая среди приверженцев ислама престижность полицейской службы. В 2014 г. численность мусульман-полицейских составляла более 2 тыс. чел., что превышало 11% от общего числа полицейских в стране[20].

Менее успешно обстоит дело с привлечением мусульман в британские вооруженные силы. В их рядах состоят лишь 600 мусульман (0,5% от общего числа военнослужащих)[21]. Причину такого отношения мусульман к службе в армии проясняют свидетельства родственников мусульманина-военнослужащего, погибшего в составе воинского контингента Великобритании в Афганистане. Молодой человек, отправившийся с немусульманами в исламское государство, попал под жесткий прессинг общины, проповедников, множества знакомых и незнакомых людей, обвинявших его в предательстве ислама. Ситуацию не улучшают ни создание ассоциации мусульман-военнослужащих, ни принятие на армейскую службу имамов, разъясняющих единоверцам, что нет противоречия между религией и гражданским долгом и что миротворческая миссия в исламских странах похвальна для мусульман, которые могут защищать гражданское население, состоящее из единоверцев, от террористов.

Недопредставленность мусульман в политических структурах стран Европы не позволяет считать их одним из системообразующих элементов. Вместе с тем способность иммигрантов проводить многотысячные манифестации на улицах европейских городов в защиту своих интересов, равно как и оказание мощной поддержки неисламским партиям на выборах, свидетельствуют о силе мусульманской диаспоры, которую можно считать важным фактором политической жизни. Менталитет мусульманских переселенцев может со временем изменить политический ландшафт ЕС [Захарченко 2013].

---

[17] *UK Muslim Peer Quits Labour Party*. 16.05.2013. URL: http://presstv.com/detail/2013/05/16/303893/uk-muslim-peer-quits-labour-party/ (accessed 14.01.2015).

[18] Hasan M. 2010. *Rejoice! The Number of Muslim MPs Has Doubled*. 7.05. URL: http://www.newstatesman.com/blogs/mehdi-hasan/2010/05/muslim-majority-labour-england (accessed 14.01.2015).

[19] В 2013 г. в Великобритании разразился скандал, вызванный поступком близкого к Д. Кэмерону председателя Консервативного мусульманского форума лорда Шейха. Позиционировавший себя как сторонник трудовой этики и семейных ценностей, пэр предпринял попытку жениться на молодой официантке родом из Самарканда, не оформляя развода со своей женой, см. Cameron's Top Muslim Peer, 72, His Bewitching Waitress 45 Years His Junior... And The Toxic Romance That's Enraged His Wife. – *Mail Online*. 27.07.2013. URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2380209/Camerons-Muslim-peer-72-bewitching-waitress-45-years-junior--toxic-romance-thats-enraged-wife.html (accessed 14.01.2015); в 2014 г. министр правительства Д. Кэмерона, член Палаты лордов баронесса Сейида Уорси подала в отставку в знак протеста против сдержанной позиции премьера в отношении действий Израиля в секторе Газа, см. *New Statesman*. 5.08.2014. URL: http://www.newstatesman.com/politics/2014/08/conservative-minister-baroness-warsi-resigns-over-government-policy-gaza (accessed 14.01.2015).

[20] *National Association of Muslim Police*. URL: https://www.nampuk.org/ (accessed 14.01.2015).

[21] Ibidem.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И "МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОПРОС"

Проблема взаимодействия исламских и демократических ценностей уже несколько десятилетий находится в поле зрения как ученых, так и политиков Европы. Некоторые исследователи полагают, что ислам в принципе не совместим с европейской современностью и, соответственно, демократией, поскольку не подвергался реформе и остался "целостным" (т.е. не претерпел разделения на публичное и индивидуальное, политическое и религиозное) [см. Huntington 1996; Bruce 2003; Elhadj 2006]. В то же время рационализация отношения к священному была важнейшим условием демократических процессов в Европе. Поэтому о необходимости реформы, которая положит конец "тотальности" ислама, активно пишут представители исламского модернизма – преимущественно мусульманские интеллектуалы, работающие в западных странах, но также и российские авторы [см. Хаким 2003; Ramadan 2004; Tibi 2008; Ramadan 2009; Tibi 2009].

Спор о совместимости ислама с демократией кажется бесконечным. После начала "глобальной войны с терроризмом" в 2001 г. он принял почти экзистенциальный характер. В таком контексте дискуссия, скажем, о ношении мусульманского платка девушками-студентками во Франции или Турции воспринимается как угроза демократическим основам общества. По мнению О. Руа, критика ислама сблизила представителей двух интеллектуальных семейств, которые ранее находились в оппозиции друг к другу: первые видят Запад в первую очередь христианским, вторые – светским и демократическим [Roy 2007].

Как представляется, большинство публичных дебатов на эту тему в той или иной степени продолжают страдать от методологических ошибок. Опуская фактор идеологической ангажированности, их можно определить следующим образом:

– отождествление демократии с либеральной демократией;

– приверженность европоцентричным историческим шаблонам (в частности, касательно взаимосвязи между секуляризацией и демократией [Хенкин 2008: 55]);

– редукционизм в восприятии исламского политического дискурса, приравнивание его к экстремизму;

– невнимание к микросоциологии мусульманских общин и, как следствие, непонимание изменений политической идентичности современных европейских мусульман.

Мы полагаем, что в вопросе политической интеграции европейских мусульман следовало бы придерживаться не либерального, а минималистского понимания демократии, которое в целом соответствует определению полиархии, разработанному Р. Далем, и широко используется при составлении глобальных индексов (например, Индекса демократии). Оно подразумевает принятие режимов политической соревновательности, гражданского участия, значимую связь политических партий и электората. Такой подход позволяет смягчить "ценностное противостояние". Как позитивный шаг в этом направлении можно отметить легализацию в Великобритании с 2007 г. мусульманских третейских судов, применяющих нормы исламского права в разрешении гражданских споров между мусульманами. Анализируя результаты Всемирного обзора ценностей (*WVS*), П. Норрис и Р. Инглхарт отмечают, что

при сравнении политических установок относительно успешности демократической практики, поддержки демократических идеалов, неодобрения сильных лидеров между исламским и западным миром наблюдается минимальная разница [Norris, Inglehart 2011: 154].

Аналитический потенциал секулярной парадигмы явно недостаточен для объяснения многих современных процессов, включая сохраняющуюся глобальную публичность религии и социально-политическую активность религиозных институтов в современном мире [подробнее об этом см. Кудряшова 2013]. Сама европейская секуляризация имеет выраженный нелинейный характер. В частности, на социетальном уровне такие традиционно католические страны, как Австрия и Испания, менее секуляризованы, чем традиционно протестантская Скандинавия [Ziebertz, Riegel 2010]. На институциональном уровне государственно-церковные отношения варьируются от лаицизма Франции до сотрудничества основных церквей с государством в социальной сфере в Германии и сохранения государственных церквей в Великобритании и Дании. Привилегированное положение христианских церквей во многих странах Европы вызывает критику мусульманских сообществ, которые чувствуют себя ущемленными. Например, власти Германии много лет отказывают мусульманским общинам в получении статуса корпорации частного права, которым обладают христианские и иудейские общины.

В Европе обсуждение проблем политической (зачастую она не отделяется от социально-культурной) интеграции мусульман идет постоянно, нередко превращаясь в острую полемику. Она затрагивает самый широкий круг проблем – от границ толерантности, терпимого отношения к мусульманским обычаям и традициям (например, права мусульман строить мечеть в том или ином городском квартале) до глобального вопроса о том, что ожидает Европу: мирное сожительство христиан и мусульман, интеграция последних в европейские политии или конфликт цивилизаций. В ходе этих дискуссий либеральные круги, исходя из соображений политкорректности, порой предпочитают не затрагивать острых тем. Напротив, праворадикальные силы не стесняются своей исламофобии.

Политикам-непопулистам, решающим практические вопросы интеграции мусульманского населения (а не спекулирующим на этой болезненной проблематике от выборов до выборов), приходится принимать сложнейшие решения. Например, перед австрийскими властями стоит вопрос, вводить ли мусульманские праздники в перечень государственных, как об этом просят руководители Исламского религиозного сообщества Австрии – общенациональной организации мусульман? Если да, то придется отринуть чисто христианскую платформу в структуре национальной идентичности. Если нет, то сложно будет доказывать мусульманам во втором и третьем поколениях, что это их страна, они здесь у себя дома и их религией не пренебрегают.

Похожую проблему создает перед судебной системой Запада мусульманское семейное право при разборе гражданских исков. Принятая у части мусульман практика устных разводов или многоженства ставит судебные системы Запада перед серьезными правовыми коллизиями, а социальные и финансовые службы, выплачивающие пособия, – перед сложноразрешимыми задачами.

Культурно-цивилизационный разлом в европейских политиях усугубляется массовым разочарованием жителей континента в возможности мирного и отно-

сительно беспроблемного сосуществования представителей разных культурных норм. Это разочарование перекинулось и на правящие социал-демократические и консервативные партии, долгие годы отстаивавшие такую возможность. Общественное сознание сдвинулось вправо. Так, на вопрос, являются ли отношения между мусульманами и уроженцами Запада "в целом хорошими" или "в целом плохими", в 2006 г. в Германии, Франции, Испании и Великобритании второй вариант выбрали соответственно 70, 66, 61 и 61% респондентов[22].

Неудивительно заметное усиление влияния праворадикальных националистических партий. Если еще недавно ультраправые рассматривались как некая одиозная и маргинальная политическая сила, то теперь они становятся важным актором европейской политики. На выборах 2014 г. в Европарламент многие из них (французский Национальный фронт, Австрийская партия свободы, голландская Партия за свободу, итальянская "Лига Севера", греческая "Золотая заря", Шведские демократы) добились существенных успехов, набрав очки именно на тематике миграции, легальной и нелегальной[23]. Волна антимусульманских настроений в Европе поднялась в связи с убийством исламистскими экстремистами в январе 2015 г. в Париже сотрудников юмористического журнала "Шарли Эбдо" за публикацию карикатур на пророка Мухаммада. Эта трагедия резко актуализировала дискуссию о том, каковы границы свободы слова, совместима ли она с пренебрежением к чувствам верующих. В современной Европе налицо отчетливо выраженное противостояние между приверженцами агрессивно-националистического подхода к "мусульманской проблеме" и сторонниками либерально-толерантного отношения к ней.

* * *

Оценивая эффективность политической интеграции мусульман в Европе, можно отметить, что европейские власти оказываются перед необходимостью решения двух задач, противоречащих друг другу: учета социокультурных интересов новых граждан и реагирования на запрос, связанный с ростом антииммигрантских настроений в обществе. Ответом на эту дилемму становится отход от некоторых слагаемых традиционной либерально-демократической парадигмы в отношениях с переселенцами.

Очевидно, требуется дальнейшее уточнение смыслов понятий мультикультурализма и интеграции (она зачастую отождествляется с ассимиляцией) европейских мусульман, в том числе через поддержание общественно-политического дискурса по этой проблематике и включение в него темы религиозных традиций. Христианство остается источником коллективной идентичности в Европе, что не позволяет отказывать в подобной роли исламу, особенно при поставленной задаче формирования режима равного гражданства и поиске баланса между индивидуальными и коллективными правами.

Отсутствие единой модели политической интеграции увеличивает роль национальных правительств в поиске и отработке механизмов и инструментов управления ею. Вместе с тем европейские правительства могут иметь серьезные разногласия по этим вопросам.

[22] The Great Divide: How Westerners and Muslims View Each Other. – *Pew Research Center*. URL: http://www.pewglobal.org/2006/06/22/the-great-divide-how-westerners-and-muslims-view-each-other/ (accessed 30.10.2014).

[23] Europawahl: Der Rechtsruck. 2014. – *Spiegel Online*. 26.05. URL: http://www.spiegel.de/politik/ausland/europawahl-rechtspopulisten-feiern-erfolg-in-europa-a-971648.html (accessed 17.12.2014).

Неоднородность мусульманских сообществ Европы затрудняет процесс их интеграции вообще и политической интеграции в частности. Тем не менее, демократические идеалы и практики пользуются поддержкой немалой части мусульман, что позволяет считать их политическую интеграцию в европейские общества вполне возможной. Как подсказывает рокковская теория, конфликты между центром и периферией могут быть преодолены с помощью демаркации внешних "границ лояльности" и поиска новых политических форм, способствующих росту "политического производства" и переопределению интересов мусульман.

Бородай С. 2014. Исламские организации в странах Европы. – *Ислам в современном мире*. № 3-4 (31-32). Доступ: http://www.idmedina.ru/books/islamic/?5731 (проверено 14.11.2014).

Веретевская А.В. 2012. Мусульмане во Франции: особенности интеграционной модели. – *Вестник МГИМО-Университета*. № 5. С. 98-102.

Захарченко А. 2013. Исламские общества внутри Евросоюза? – *Международные процессы*. Т. 11. № 3-4 (34-35). Доступ: www.intertrends.ru/fourteen/007/htm (проверено 25.10.2014).

Кудряшова И.В. 2013. Как изучать взаимодействие религии и политики? – *Политическая наука*. № 2. С. 9-24.

Кудряшова И.В. 2012а. Гибридная политическая идентичность. – *Политическая идентичность и политика идентичности*: в 2 тт. Т. 1. *Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий* (отв. ред. И.С. Семененко). М.: РОССПЭН. С. 93-96.

Кудряшова И.В. 2012б. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока. – *Политическая идентичность и политика идентичности:* в 2 тт. Т. 2.: *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке* (отв. ред. И.С. Семененко). М.: РОССПЭН. С. 155-184.

Кудряшова И.В., Матюхин В.В. 2013. Турция: национальные интересы и имперскость. – *Политическая наука*. № 3. С. 117-136.

МакЛуглин Ш. 2009. Признание ислама: религиозная и этническая идентичность в британской политике. – *Ислам в Европе и в России* (сост. и отв. ред. Е.Б. Деминцева). М.: Издательский дом Марджани. С. 8-18.

Наср С.Х. 2001. О столкновении принципов западной и исламской цивилизаций. – *Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс. С. 481-483.

Пинюгина Е.В. 2014. Проблема иммиграции и концепция "ведущей культуры" в немецкой политике. – *Перспективы*. 24.07. Доступ: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/problema_immigracii_i_koncepcija_vedushhej_kultury_v_nemeckoj_politike_2014-07-24.htm (проверено 27.10.2014) .

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 тт. Т. 2.: *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке* (отв. ред. И.С. Семененко). 2012. М.: РОССПЭН. 471 с.

Семененко И.С. 2006. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах. – *МЭиМО*. № 10. С. 58-68.

Хаким Р. 2003. *Где наша Мекка?* Казань: Магариф. 64 с.

Хенкин С.М. 2008. Мусульмане в Испании: проблемы адаптации. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 3. С. 48-58.

Цхурбаев А. 2003. Влияние ислама на современные европейские процессы. – *Дарьял*. № 5. Доступ: www.darial-online.ru/2003_5/tshurbaev.shtml (проверено 11.10.2014).

Энтони Б. 2008. Британский опыт (доклад на круглом столе "Мусульмане в ЕС и России"). – *Вестник Европы*. № 1. Доступ: http://magazines.russ.ru/vestnik/2008/22/mu7.html (проверено 26.02.2013).

Bruce S. 2003. *Politics & Religion*. Cambridge, Malden: Polity Press. 292 p.

Green T.H. 2011. The Resistance to Minarets in Europe. – *Journal of Church and State*. Vol. 52. No. 4. P. 619-643.

Elhadj E. 2006. *The Islamic Shield: Arab Resistance to Democratic and Religious Reforms*. Brown: Walker Press. 272 p.

Hirschman A.O. 1970. *Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA: Harvard Univ, Press. 162 p.

Huntington S.P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the Modern World*. N.Y.: Simon and Schuster. 367 p.

Norris P., Inglehart I. 2011. *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. 2nd ed. N.Y.: Cambridge Univ. Press. 375 p.

Perez Diaz V., Alvarez-Miranda B, Chulia E. 2004. *La Inmigracion Musulmana en Europa. Turcos en Alemania, Argelinos en Francia y Marroquis en España*. Barcelona: Fundación "la Caixa". 329 p.

Ramadan T. 2009. *Radical Reform: Islamic Ethics and Liberation*. N.Y.: Oxford Univ. press. 372 p.

Ramadan T. 2004. *Western Muslims and the Future of Islam*. N.Y.: Oxford Univ. Press. 278 p.

Ramirez Goicoechea E. 1996. *Inmigrantes en España: Vidas y Experiencias*. Madrid: Centro de Investigaciones Sociologicas: Siglo XXI de Espana Editores. 611 p.

Rokkan S.1999. *State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe: The Theory of Stein Rokkan* (ed. by P. Flora with S. Kuhnle and D. Urwin). N.Y.: Oxford Univ. Press. 422 p.

Roy O. 2007. *Secularism Confronts Islam*. N.Y.: Columbia University Press. 128 p.

Tibi B. 2009. *Islam's Predicament with Modernity: Religious Reform and Cultural Change*. N.Y.: Routledge. 407 p.

Tibi B. 2008. *Political Islam, World Politics and Europe: Democratic Peace and Euro-Islam Versus Global Jihad*. N.Y.: Routledge. 311 p.

Ziebertz H.-G., Riegel U. 2010. Europe: A Post-secular Society? – *International Journal of Practical Theology*. Vol. 13. Issue 2. P. 293-308.

DOI: 10.17976/jpps/2015.02.09

THE INTEGRATION OF EUROPE'S MUSLIMS IN ITS POLITICAL ASPECTS

S.M. Khenkin[1], I.V. Kudryashova[2]

[1]*Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia. Moscow, Russia*

[2]*Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia. Moscow, Russia*

KHENKIN Sergey Markovitch, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia. Email: sergkhenkin@mail.ru**; KUDRYASHOVA Irina Vladimirovna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia.** Email: kudryashova23@yandex.ru

Received: 05.12.2014. Accepted: 13.01.2015

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 12-03-00284a "Muslims in modern Europe: Political integration problems and perspectives")

Abstract. The article discusses the problem of Muslim political integration into European society, which cause considerable controversy both in political science community and among general public, and is insufficiently studied in Russian historiography. Analyzing the issue the authors follow the logic of Rokkan-Hirschman model, explaining the impact of the center-periphery polarity on the creation of boundaries

and membership in the nation-state. It is shown that Muslim immigrants form today the inner periphery of European polities which generates a new socio-cultural and socio-economic cleavage. They point out that over time there appeared a human right based liberal-democratic paradigm, which now underlies the different immigration policies of European authorities. This policy of unmanaged multiculturalism allowed immigrants to remain a closed community (inner periphery) within the country of residence. The growth of Islamic extremism prompted the European governments to intensify work on political integration of Muslims and to tighten the immigration policies in a number of aspects. The authors believe the participation of Muslims in the political life of European countries is becoming more significant. They take part in national and local elections, enter the national representation bodies and hold demonstrations so as to defend their interests. Much attention is given to the analysis of intercultural communication. It is noted that in Europe now exists an extensive layer of moderate Muslims to varying degrees integrated into Western society. A hybrid identity has become widespread and many consider themselves to be representatives of both a European country and Muslim community. However, in a heterogeneous environment Islamist influence grows and although they often hold moderate positions they do not always share Western values, but support Sharia-guided lifestyle. On the other hand in the wake of the global economic crisis anti-immigrant sentiment has intensified and strengthened the right-wing nationalist forces. The authors come to a conclusion that in spite of existing challenges the democratic ideals and practices are supported by a large part of Muslims, which makes their political integration into European society quite possible.

Keywords: Muslims; Europe; Islam; political integration; immigration policy; nation-building; centers and inner periphery; multiculturalism; hybrid identity; tolerance; xenophobia; right-wing radicals.

References

Anthony B. The British Experience (Paper at the Round Table "Muslims in the EU and Russia"). – *The Herald of Europe*. 2008. No 1. URL: http://magazines.russ.ru/vestnik/2008/22/mu7.html (accessed 17.01.2015). (In Russ.)

Boroday S. Islamic Organizations in Europe. – *Islam v sovremennom mire*. No. 3-4 (31-32). 2014. URL: http://www.idmedina.ru/books/islamic/?5731 (accessed 14.11.2014). (In Russ.)

Bruce S. *Politics & Religion*. Cambridge, Malden: Polity press. 2003. 292 p.

Elhadj E. *The Islamic Shield: Arab Resistance to Democratic and Religious Reforms.* Brown: Walker press. 2006. 272 p.

Green T.H. The Resistance to Minarets in Europe. – *Journal of Church and State*. 2011. Vol. 52. No. 4. P. 619-643.

Hakim R. *Gde nasha Mekka?* [Where is Our Mecca?]. Kazan: Magarif. 2003. 64 p.

Hirschman A.O. *Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press. 1970. 162 p.

Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the Modern World*. N.Y.: Simon and Schuster. 1996. 367 p.

Khenkin S.M. Muslims in Spain: Problems of Adaptation. – *World Economy and International Relations*. No. 3. 2008. P. 48-58. (In Russ.)

Kudryashova I.V. Gibridnaja politicheskaja identichnost' [Hybrid political identity]. – *Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti. V 2 tt. T.1. Identichnost' kak kategorija politicheskoj nauki: slovar' terminov i ponjatij (otv. red. I.S. Semenenko)* [Political Identity and Identity Politics: in 2 Vols. Vol. 1. Identity as a Category of Political Science: A Glossary of Terms and Concepts (ed. I.S. Semenenko)]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2012a. P. 93-96.

Kudryashova I.V. How to Study the Interaction of Religion and Politics? – Political Science. 2013. No. 2. P. 9-24. (In Russ.)

Kudryashova I.V. Politicheskie izmenenija i transformacija identichnosti v stranah musul'manskogo Vostoka [Political changes and transformation of identity in the Muslim World]. – *Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti: v 2 tt. T.2.: Identichnost' i social'no-politicheskie izmenenija v XXI veke (otv. red. I.S. Semenenko)* [Political Identity and Identity Politics: in 2 Vols. Vol. 2 .: Identity and Socio-Political Changes in XXI Century (ed. I.S. Semenenko)]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2012b. P. 155-184.

Kudryashova I.V., Matyuhin V.V. Turkey: National Interests and Imperial Legacy. – *Political Science*. 2013. No. 3. P. 117-136. (In Russ.)

McLoughlin Sh. Priznanie islama: religioznaja i jetnicheskaja identichnost' v britanskoj politike [Recognition of Islam: Religious and Ethnic Identity in British Politics]. – *Islam v Evrope i v Rossii (sost. i otv. red. E.B. Deminceva)* [Islam in Europe and in Russia (ed. and comp. E.B. Demintseva)]. Moscow: Mardjani Publ. House. 2009. P. 8-18.

Nasr S.H. O stolknovenii principov zapadnoj i islamskoj civilizacij [On the Collision of the Principles of Western and Islamic Civilizations]. – *Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. Hrestomatija (sost. B.S. Erasov)* [Comparative Study of Civilizations. A Reader (ed. by B.S. Yerasov)]. Moscow: Aspect Press. 2001. P. 481-483.

Norris P., Inglehart I. *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. 2nd ed. N.Y.: Cambridge Univ. Press. 2011. 375 p.

Perez Diaz V., Alvarez-Miranda B, Chulia E*La Inmigracion Musulmana en Europa. Turcos en Alemania, Argelinos en Francia y Marroquis en España*. Barcelona: Fundación "la Caixa". 2004. 329 p.

Pinyugina E.V. The Problem of Immigration and the Concept of "Leading Culture" in German Politics]. – *Perspectives*. 2014. 24.07. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/problema_immigracii_i_koncepcija_vedushhej_kultury_v_nemeckoj_politike_2014-07-24.htm (accessed 27.10.2014) . (In Russ.)

Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti: v 2 tt. T.2.: Identichnost' i social'no-politicheskie izmenenija v XXI veke (otv. red. I.S. Semenenko) [Political Identity and Identity Politics: in 2 Vols. Vol. 2 .: Identity and Socio-Political Changes in XXI Century (ed. I.S. Semenenko]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2012. 471 p.

Ramadan T. *Western Muslims and the Future of Islam*. N.Y.: Oxford Univ. Press. 2004. 278 p.

Ramadan T. *Radical Reform: Islamic Ethics and Liberation*. N.Y.: Oxford Univ. Press. 2009. 372 p.

Ramirez Goicoechea E. *Inmigrantes en España: Vidas y Experiencias*. Madrid: Centro de Investigaciones Sociologicas: Siglo XXI de Espana Editores. 1996. 611 p.

Rokkan S. *State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe: The Theory of Stein Rokkan* (ed. by P. Flora with S. Kuhnle and D. Urwin). N.Y.: Oxford Univ. Press. 1999. 422 p.

Roy O. *Secularism Confronts Islam*. N.Y.: Columbia University Press. 2007. 128 p.

Semenenko I.S. Integration of Foreign Cultural Communities in Developed Countries. – *MEMO Journal*. 2006. No. 10. P. 58-68. (In Russ.)

Tibi B. *Political Islam, World Politics and Europe: Democratic Peace and Euro-Islam Versus Global Jihad*. N.Y.: Routledge. 2008. 311 p.

Tibi B. *Islam's Predicament with Modernity: Religious Reform and Cultural Change*. N.Y.: Routledge. 2009. 407 p.

Tskhurbaev A. Influence of Islam on the Modern European Processes. – *Darial*. 2003. No. 5. URL: www.darial-online.ru/2003_5/tshurbaev.shtml (accessed 11.10.2014). (In Russ.)

Veretevskaya A.V. Muslims in France: Features of the Integration Model. – *Vestnik of MGIMO-University*. 2012. No. 5. P. 98-102. (In Russ.)

Zakharchenko A. Islamic Societies within the EU? – *International Trends*. 2013. Vol. 11. No. 3-4 (34-35). URL: www.intertrends.ru/fourteen/007/htm (accessed 25.10.2014). (In Russ.)

Ziebertz H.-G., Riegel U. Europe: A Post-secular society? – *International Journal of Practical Theology*. 2010. Vol. 13. Issue 2. P. 293-308.